

каштоўнасць), а Банк звестак – 29 (сама каштоўнасць і 28 аб'ектаў, якія ўваходзяць у яе склад). Модуль утрымлівае не толькі звесткі пра дакументацыю, але і саму дакументацыю на гісторыка-культурныя каштоўнасці ў электронным выглядзе. Усе змены ў электронным пашпарце фіксуюцца адмысловым чынам, што дазваляе адсачыць, які спецыяліст і калі ўнёс праўкі.

Модулі «Статыстыка», «Тыпы каштоўнасцей», «Падтыпы каштоўнасцей» створаныя для аперытаўнага валодання інфармацыяй спецыялістамі Міністэрства культуры аб наяўнасці і стане гісторыка-культурных каштоўнасцей у рэгіёнах.

Модуль «Навіны» прадугледжвае, што рэгіянальныя спецыялісты могуць напайняць яго паведамленнямі пра культурніцкія і навуковыя мерапрыемствы, звязаныя з аховай гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі.

Такім чынам, мадэрнізацыя Банка звестак прадугледжвае не толькі папулярызацыю гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь, зручнасць яго выкарыстання спецыялістамі і ўсімі задзейнічанымі ў гэтым асобамі.

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь [Электронны ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 ст. 2006 г., № 98-3// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь /Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Аб некаторых пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны [Электронны ресурс] : пастанова Савета Міністраў Рэсп. Беларусь, 15 чэрв. 2006 г., № 762 // Право. Законодательство Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num32/d32647.html>. – Дата доступа: 20.09.2023.
3. Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь [Электронны ресурс]. – Рэжым доступу: <https://heritage.gov.by/>. – Дата доступу: 15.09.2023.
4. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронны ресурс]. – Рэжым доступу: <http://gosspisok.gov.by>. – Дата доступу: 13.09.2023.
5. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны ресурс] : 20 ліпеня 2016 г., № 413-з : у рэд. ад 18 ліп. 2007 г.
6. Об охране историко-культурного наследия : Закон Респ. Беларусь от 13 нояб. 1992 г. №1940-XII [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь /Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Баранова У.С. **ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ** **В ПЕРСПЕКТИВЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРИСУТСТВИЯ**

Ключевые слова: историко-культурное наследие, историческая память, культура присутствия, производство присутствия, руина.

Герольд новой культурной чувствительности Х.У. Гумбрехт предлагает современной постмодернистской гуманитаристике сменить привычный фокус с производства значения на производство присутствия. Главная сложность, однако, состоит в том, что Гумбрехт обозначает лишь контуры возможных исследований, предоставляя самим учёным действовать в конкретных ситуациях сообразно с тем присутствием, которое они переживают [1, с.62].

Для исследований историко-культурного наследия и исторической памяти как социальных феноменов метод производства присутствия (если осмелиться назвать это методом) представляет существенный интерес. Это отмечает и сам Гумбрехт, посвящая вопросам истории отдельную главу в своей программной работе [2, с.121]. При этом сложно представить более близкую и в то же время далёкую от «присутствия» тему, чем историческая память. Поскольку она направлена на то, что в настоящий момент отсутствует, но при этом использует большой кор-

пус материальных источников – следов присутствия. Гумбрехт в этой связи полагает, что человеческая потребность наполнять своё настоящее артефактами прошлого имеет мало общего с традиционным проектом истории как научной дисциплины и с толкованием в принципе [2, с.123].

Поэтому в нашей статье мы предлагаем обратить внимание на новую культурную историю как продуктивное поле для исследования историко-культурного наследия в свете производства присутствия. Некоторые разделы внутри новой культурной истории могут иметь значительный потенциал в свете концепции Гумбрехта. В первую очередь, речь идёт об истории материальности и телесности [1]. Конкретно мы рассмотрим в контексте производства присутствия такой феномен историко-культурного наследия как руина.

Идеальным материальным объектом, иллюстрирующим антиномию исторического «отсутствия-присутствия», на наш взгляд, является руина. Проблема понимания руины как историко-культурно феномена приобрела весомое значение в исследованиях новых культурных историков (А. Шёнле, А. Хёйссен). Она в точности соответствует гумбрехтскому определению «исторического объекта» как предмета без практического применения, которому и не следует подыскивать такое применение, дабы он не утратил свою специфическую ауру, так как вопрос о практической пользе сузит наши возможности наслаждаться прошлым и радоваться соприкосновению с ним [2, с.126–127].

Швейцарский профессор Андреас Шёнле полагает, что роль историка заключается в барочном собирании руин и тщетном «ожидании чуда» [6, с.38]. Это высказывание употребляется им в контексте «апологии руины» – статьи об архитектуре забвения и её восприятию в форме культурного и исторического опыта. В более широком смысле – этот символ применим ко всей постмодернистской гуманитаристике, как её видит Гумбрехт. Письмо историка как практика (в отличие от материальных исторических объектов) служит преодолению разрыва между прошлым и настоящим, их примирению, а также воссозданию и воспроизводству прошлого через отстранение от него.

Мишель де Серто называет историю «временем Другого», который становится поистине «другим» только когда похоронен в историческом письме, без неуместной футуризации, он остаётся прошлым и только поэтому – собой [4]. Главное в Другом – то, что он мёртв. Потусторонность смерти – предельная дистанция между историческим Другим и современным историком, только в масштабе которой можно действительно понять суть инаковости. Но возможность присутствия прошлого через его материальные «останки» (и в первую очередь – через руину), возможность «разговаривать» с мертвыми или прикасаться к предметам мира, где они жили [2, с.124–125], помогают преодолеть эту инаковость посредством общения. Источник значения предстаёт перед исследователем как на допросе, но с источником присутствия может получиться полноценный диалог. Наше переживание присутствия – это не одностороннее действие, поскольку в него обязательно включено и бытие того объекта, присутствие которого мы переживаем.

Основополагающие функции исторического письма – конструирование и разрушение целостностей: чтобы воспринять целостную картину прошлого, её нужно «отколоть» её от картины настоящего. Но, в отличие от письма, исторические объекты, скорее именно создают, нежели разрушают целостность благодаря производству присутствия и возникающему в его свете общению. В то время как историк в своём письме идёт по строго герменевтическому пути: пытаюсь создать целостную картину наших представлений о прошлом, он откалывает её от мате-

риальной реальности. Когда дискурсивный и событийный уровни разведены, открывается простор для конструирования не только своего варианта прошлого, но и своего варианта гиперреальности, между этими полями.

В работе по преодолению этого противоречия в истории руина как материальный объект и экзистенциальное переживание служит для нас выражением примиряющего присутствия, о котором писал Гумбрехт. Присутствие в его интерпретации означает не временное, а пространственное отношение к миру, где присутствующее оказывает воздействие на человеческое тело [2, с.10]. И руина синкретически соединяет в себе временное и пространственное отношение к миру, воздействуя и на тело (органы чувств), и на мыслящую субстанцию, ответственную за производство значений и смыслов. К тому же она воспринимается нами сразу в двух «присутственных» воплощениях: телесном (со стороны нашего непосредственного взаимодействия с ней) и материальном (с позиции своего специфического бытия).

Руина относится к эстетической категории возвышенного, поскольку, помимо восхищения, внушает страх, напоминая о травматическом опыте прошлого или смерти. В ней сохраняется признаваемая Гумбрехтом необходимой дистанция между эстетическим переживанием и миром повседневности [2, с.110]. Она смещает антропоцентрический и антропократический акценты в понимании истории, уподобляя время самой сильной из стихий; отсылает человека к мысли о способности природы создавать новые формы, используя старый материал. Руина – материальный аналог распада метафизических систем. По сути, именно благодаря своей материальности, если не превалирующей, то выступающей наравне с её значением, она играет в истории центральную роль.

Профессор Андреас Хейссен уподобляет руину зримой ностальгии. И понимает её также, как объект существующий в двух плоскостях: материальной и нематериальной [7, р.11]. С одной стороны, она наглядно демонстрирует, «что было здесь раньше», поэтому она натуралистична и добротна, сама по себе. Но, в то же время, она представляет собой смысловую конструкцию, и эта её сторона оказывается такой же важной как материальная. Она вызывает, в прямом смысле, тоску по утраченному дому, утраченной идентичности, утраченной целостности. Эта экзистенциальная тоска, порождаемая присутствием значительного, но сломленного, покрытого мхом флоры и мхом времени, обращается к чему-то в глубине человеческой души, заставляя задуматься о времени, как одной из важнейших характеристик бытия.

В этом уникальность руины: она и жива (поскольку хоть и разрушена, но существует в материальном воплощении), и при этом мертва (поскольку относится к временному инобытию, которое прошло). Она присутствует, и она означает нечто. Она – канал общения через века и тысячелетия, соединяющий её автора из прошлого и её свидетеля из настоящего. Её присутствие становится залогом присутствия двух других (других по отношению к ней и друг к другу).

Таким образом, руина становится не просто умозрительным конструктом человеческого сознания, но практическим материальным выражением исторической памяти как части историко-культурного наследия. Эффект наблюдателя, впервые заявивший о себе в космологии, становится определяющим в нашем понимании прошлого в присутствии руины. Человек как зритель истории движет её своим взглядом или это время движет человечество? Человек рушит здания или руины сокрушают человека своей декадентской тоской по ушедшему?

Хейссен усматривает в архитектуре модерна страх последующей руинизации мира. Но при этом видит экзистенциальную катастрофу в том, что современные строители отвергают необходимость руины. Вещь без явного утилитарного

значения, но явно присутствующая, вызывает и трепет и, порой, негодование, вызванное непониманием. Молчаливую угрозу руины вместе с немотой других присутствующих вещей не так легко принять. Ведь как замечает Гумбрехт: «нет такого возникновения значения, которое не облегчало бы тяжести присутствия» [2, с. 95].

Переживание присутствия руины можно вписать и в призракологию (hauntology), предложенную Жаком Деррида [3, с.226]. Руина, как уже отмечалось, не всегда и не для всех «приятна в общении». Иногда её присутствие производит эффект сна, темницы бессознательного, ужаса черед хаосом, забвением и небытием. Но эти чувства, почти всегда, соседствуют и с ностальгией, которая чаще не темна и безысходна, но светла. Если в руине сходятся эти противоречия, значит, она, в самом деле, не просто материальный объект или умозрительный конструкт, но феномен живого присутствия и выражения исторической памяти.

Таким образом, неотчуждаемые качества руины как категории историко-культурного наследия могут быть лучше поняты и пережиты именно в контексте производства присутствия. И если согласиться с А. Шёнле в его определении историка как собирателя руин, тщетно ожидающего чуда, но вписать его в концепцию Гумбрехта, то окажется, что ожидание чуда не так уж и тщетно. Потому что Присутствие – и есть чудо.

1. Бёрк, П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Бёрк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – С. 64–91.
2. Гумбрехт, Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт ; пер. с англ. С. Зенкина. – М.: Новое литературное обозрение. – 2006. – 184 с.
3. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида ; пер. с франц. Б. Скуратова. – М.: Logos-altera, «Ессе homo». – 2006. – 256 с.
4. де Серто, М. Историографическая процедура. Письмо (сокращенный перевод 3-го раздела II главы «Certeau M. de.L'écriture de l'histoire». Paris, 1993 / М. де Серто ; пер. с франц. Б. Дубина // Неприкосновенный запас. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/3/istoriograficheskaya-proczedura-pismo.html?ysclid=lm7tyieclj361219612>. – Дата доступа: 05.09.2023.
5. Филоненко, А.С. «Производство присутствия» и новая культурная чувствительность: «нескромное предложение Гумбрехта» и его академические расширения / А.С. Филоненко // Вісник ХНУ імя В.Н. Каразіна. – 2010. – № 904. – С. 41–64.
6. Шёнле, А. Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад / А. Шёнле // НЛО. – 2009. – № 1. – С. 24–38.
7. Huyssen, A. Nostalgia for Ruins / A. Huyssen // Grey Room. – 2006. – №23. – P. 6–21.

Бараноўскі А.В., Юрчак Д.В.
“ЗБОР ПОМНІКАЎ ГІСТОРЫІ І КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ”:
ЗНАЧЭННЕ, ПРАБЛЕМНЫЯ МОМАНТЫ І НЕАБХОДНАСЦЬ АКТУАЛІЗАЦЫІ

Ключавыя словы: культурная спадчына, культурныя каштоўнасці, воінскія пахаванні, археалагічная спадчына, творы манументальнага мастацтва.

У 1990 годзе шматтомнае даведачнае выданне “Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі” атрымала Дзяржаўную прэмію БССР, што стала высокай ацэнкай вялікай працы, якая была праведзена сектарам збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук Беларусі. Пры гэтым само выданне павінна было стаць узорам і часткай усесаюзнага шматтомнага “Свода памятных і культурных помнікаў і культурнага спадчыны і культуры народаў СССР”. Але далейшыя палітычныя падзеі, звязаныя з распадам Савецкага Саюза, не далі завяршыць гэту працу. Тым не менш, у Беларусі атрымалася поўнаасцяг рэалізаваць